

УДК 398.224(=512.1)

DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58370

М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале героического сказания «Албынчы»)

Аннотация. Статья посвящена семантико-когнитивному описанию вербализации слухового восприятия в тексте героического сказания «Албынчы». Её актуальность связана с недостаточной изученностью концепта «слуховое восприятие» в тюркских языках и отсутствием работ по исследованию данного концепта на материале фольклорных текстов. Цель статьи – семантико-функциональный анализ глаголов слухового восприятия и выявление их когнитивно-смысловой структуры как сконструированного фрагмента фольклорно-языковой картины мира. Новизна – впервые в лингвокультурологическом аспекте описывается концепт «слуховое восприятие» на материале героического сказания. Материал для исследования извлечён методом сплошной выборки из хакасского героического сказания «Албынчы». В его тексте слуховое восприятие репрезентируется 3 глаголами: *ис-* «1) слушать, слышать; 2) слушаться *кого-л.*»; *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать»; *истіл-* «слышаться; слышно». Всего зафиксировано 36 использований этих глаголов. Часто употребляется глагол *истіл-* «слышаться; слышно», выражающий пассивное восприятие субъектом каких-либо звуковых сигналов, исходящих откуда-либо извне. Процессы слухового восприятия, обозначаемые этим глаголом, характеризуются низким качеством слышимости, чему способствует его сочетаемость с соответствующими эпитетами. Базовый глагол *ис-* «слышать; слушать» часто употребляется в форме деепричастия и возглавляет придаточную часть предложения. Данную особенность его реализации мы объясняем тем, что услышанная информация служит основанием для дальнейших физических, эмоциональных, поведенческих действий. Глагол *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать», репрезентирующий активное слуховое восприятие, в анализируемом тексте отображается только 2 примерами.

Таким образом, языковая концептуализация слухового восприятия в анализируемом тексте представлена лишь 3 глаголами. Их синтагматические возможности ориентированы на выявление всех возможных процессов слухового восприятия. Значимость слухового восприятия в создании фольклорно-языковой картины мира обусловлена тем, что все слуховые объекты – звуки окружающей действительности и человеческой деятельности – представляют собой когнитивный и информационно-смысловой блок, фиксируемый субъектом. Фольклорно-языковая система хакасов имеет много неизученных, неразгаданных и интересных в лингвокультурологическом плане концептуальных полей. Данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований.

Ключевые слова: героическое сказание «Албынчы», эпос, фольклорно-языковая картина мира, слуховое восприятие, субъект, объект, концепт, глагол, семантика, хакасский язык.

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology of the N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: chertikova@yandex.ru

КАКСИН Андрей Данилович – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

KAKSIN Andrey Danilovich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology of the N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

M. D. Chertykova, A. D. Kaksin

The conceptualization of auditory perceptions in the folklore-linguistic picture of the world: on the material of the heroic legend *Albynchy*

Abstract. The article is devoted to the semantic-cognitive description of verbalization of auditory perception in the text of the heroic legend *Albynchy*. Its relevance is associated with insufficient knowledge of the concept of “auditory perception” in the Turkic languages and the lack of work on the studying this concept on the material of folklore texts. The purpose of the article is a semantic-functional analysis of verbs of auditory perception and the identification of their cognitive-semantic structure as a constructed fragment of the folklore-linguistic picture of the world. Novelty – for the first time in the linguoculturological aspect, the concept of “auditory perception” is described on the basis of the heroic legend. The research material was extracted by the continuous sampling method from the Khakas heroic legend *Albynchy*. In his text, auditory perception is represented by 3 verbs: *ус-* “(1) listen, hear; 2) obey smb”; *тыңна-* “(1) listen carefully; listen; 2) to eavesdrop”; *устіл-* “to be heard”. A total of 36 uses of these verbs were recorded. The verb *устіл-* “to be heard” is often used expressing the subject’s passive perception of any sound signals coming from somewhere outside. The processes of auditory perception, denoted by this verb, are characterized by low quality of audibility, which contributes to its compatibility with the corresponding epithets. The basic verb *ус-* “hear; listen” is often used in the form of participles and leads the subordinate part of the sentence. This peculiarity of its implementation is explained by the fact that the information heard serves as the basis for further physical, emotional, and behavioral actions. The verb *тыңна-* “(1) to listen carefully; listen; 2) to eavesdrop”, representing active auditory perception, only 2 examples are found in the analyzed text.

Thus, the linguistic conceptualization of auditory perception in the analyzed text is represented by only 3 verbs. Their syntagmatic capabilities are focused on identifying all possible processes of auditory perception. The significance of auditory perception in creating a folklore-linguistic picture of the world is due to the fact that all auditory objects – the sounds of the surrounding reality and human activity – are a cognitive and informational-semantic unit recorded by the subject. The folklore-language system of the Khakas has many unexplored, unsolved, and conceptually interesting fields of linguoculturological significance. This topic has a good linguistic potential and a prospect for future research.

Keywords: heroic legend *Albynchy*, epic, folklore-linguistic picture of the world, auditory perception, subject, object, concept, verb, semantics, Khakas language.

Введение

Фольклорная картина мира, как фрагмент общей картины мира, отражает общенациональную культуру, коллективный опыт и стереотипные знания о внешнем и внутреннем мирах, запечатлённых в различных жанрах устного народного творчества. Исследование фольклорной картины мира часто проводится в сочетании с языковой картиной мира, поскольку содержание фольклорных концептуальных образов актуализируется в текстовом смысловом пространстве, унаследованном из древних культурно-мировоззренческих эпох. Естественный язык фольклора реконструирует богатейшую информацию об этнокультурных особенностях национального духа и менталитета. Данное научное направление получило название «фольклорно-языковая картина мира», основными задачами которого являются «лингво-когнитивный анализ фольклорных текстов, позволяющий выявить и описать содержание репрезентируемой ими ФКМ, и лингво-культурологический анализ, предусматривающий изучение глубинной культурной информации, содержащейся в историко-этнографическом контексте, в древних народных представлениях, верованиях, обычаях» [1, с. 114]. В метаязыке понятие «фольклорная картина мира» дифференцируется следующими отличительными свойствами: «1) вариативность, мотивирующаяся разной степенью прагматических намерений создателей жанров и их последователей, разной степенью условности в отражении действительности. Основу её формирует ряд базовых концептов, также варьирующихся по жанрам; 2) уникальность. В языке фольклора формируется своеобразный фрагмент, который мотивируется наибольшей степенью условности отражаемой действительности. Как показывает анализ, высокой степенью условности в отражении действительности обладают сказки; 3) избирательность в отражаемой информации, обусловленная ценностной неоднородностью реалий окружающего мира в сознании этноса»

[2, с. 53-54]. Тем самым, фольклорно-языковой строй народного творчества содержит обширный духовный опыт и достоверное этнокультурное знание о мире. Данная информация о мире, репрезентируясь в различных фольклорных жанрах, объективируется в текстовом пространстве и, стилистически корректируясь, транслируется из поколения в поколение. При этом язык фольклорного произведения является своеобразным семиотическим кодом традиционной культуры и ментальности народа. «С помощью языка фольклора мы проникаем в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя», – пишет И. П. Черноусова [1, с. 114]. Язык фольклора и традиционные культурные смыслы, закодированные в системе героических сказаний, как совокупность константных элементов, на концептуальном уровне представляют собой устойчивую систему фольклорно-языковой картины мира.

Языковое отражение фольклорной картины мира в семантико-структурном аспекте системно исследовано О. В. Субраковой в её монографии «Язык хакасского героического эпоса» [3], а также в диссертационной работе Е. П. Войтенко проводится сравнительно-типологический анализ систем образных средств в текстах хакасского и русского эпосов [4]. Однако фольклорно-языковая система хакасов имеет очень много неизученных, неразгаданных, а оттого и интересных в лингвокультурологическом плане концептуальных полей. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективна для будущих исследований.

По мнению О. В. Субраковой: «В целом, вся поэтическая речь эпоса носит эмоционально-приподнятый, возвышенный характер. Передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, эпическая поэзия совершенствовалась, язык её оттачивался, отшлифовывался. <...> Лексика хакасского эпоса отражает исторический путь развития самого языка» [3, с. 68]. К сказанному следует добавить, что язык героических сказаний – ценных памятников культуры многих поколений, – на своём пути испытывал значительные лексические и структурные трансформации, поскольку в их создании участвовали многие контактирующие друг с другом народы. Доказательством тому является богатый арсенал заимствованных слов, хранящихся в данном фрагменте языкового наследия. В хакасских героических сказаниях отмечается изобилие монгольских заимствований, которые «в продолжение столь длительного времени почти не теряли свою лексическую значимость, лишь некоторые из них приобрели новые оттенки значений и подверглись небольшому фонетическому и морфологическому изменениям» [5, с. 157].

В нашем случае рассматривается лексическая экспликация перцептивного кода, как части фольклорной концептосферы. Как известно, имеется пять каналов получения (восприятия или перцепции) человеком информации из внешнего мира: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. В хакасском языке, как и в других тюркских языках, языковая репрезентация данных способов восприятия, в основном, представлена глагольной лексикой. Цель нашей статьи – выявление и семантико-когнитивное описание глаголов со значением слухового восприятия, как сконструированного фрагмента фольклорно-языковой картины мира. Материал для исследования извлечён методом сплошной выборки из хакасского героического сказания «Албынчы», записанном Д. И. Чанковым в 1948 г. от знаменитого хайджи Семёна Прокопьевича Кадышева в деревне Трошкино Ширинского района (в то время) Хакасской автономной области. С тех пор героическое сказание «Албынчы» претерпело два издания [6, 7]. Краткое содержание данного героического сказания передано В. Е. Майногашевой в статье «О народности основы героического сказания “Албынчы”»: «Через весь сюжет сказания “Албынчы” проходит борьба между враждебными родами, представленными тремя поколениями. Один из этих родов показан как доброе начало в лице богатыря Алып Хана, его внука, главного героя сказания – богатыря Албынчы, а также другими богатырями и персонажами, выведенными в сказании побочной, но дополняющей сюжетной линией. Это богатыри Алтын Теек, Тюн Хара, Алып Хан Хыс, Алтын Пос, Алтын Кёк и Чарых Кёк.

Другой род представлен злым началом в лице Узют Хана и его дочери богатырши – чудовища Узют Арыг, богатыря Хан Миргена и рядом других полуфантастических и реалистических персонажей.

Хулатай же занимает особое место среди других героев сказания. По своему происхождению этот могучий богатырь принадлежит к доброму началу в эпосе. Он сын доброго и гуманного Алып Хана. Но эгоистичный, легкомысленный и жестокий Хулатай, обладая сказочной

богатырской силой, не считается с гуманистическими отцовскими назиданиями, грабит, убивает людей и становится орудием в руках фантастического злого чудовища Узют Арыг, которая использует его в своих грабительских войнах.

Борьба добрых сил со злыми ханами, грабящими и захватывающими в плен невинных людей, обостряется еще больше, когда рождается Албынжы от чудовища – богатырши Узют Арыг и злого Хулатая. Албынжы ведёт борьбу со своими родителями, становится защитником интересов народа» [8, с. 80].

Во многих языках глаголы слухового восприятия по важности представления в системе восприятия и частотности в употреблении занимают второе место после глаголов зрительного восприятия. Как и для всех глаголов восприятия, глаголам слухового восприятия свойственны семы избирательности и субъективного восприятия действительности. Данный фрагмент лексической перцептивной системы описывает две ситуации: «ситуацию восприятия и ситуацию возникновения/существования воспринимаемого звука. Таким образом, предложение, обозначающее получение информации с помощью слуха, строится на основе двух пропозиций. Первая относится непосредственно к ситуации восприятия. Вторая вводится перцептивным модусом и отражает факт наличия звуковой информации» [9, с. 9]. В семантике глаголов слухового восприятия присутствует сема внешнего звукового события (действия), фиксированного слухом, т. е. в данном случае наблюдаем сочетание звуковой информации и процесса восприятия. Соответственно, слуховое восприятие выражает двусторонний процесс: объектно-направленный и субъектно-направленный, при этом позиция субъекта часто имеет имплицитный характер.

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, глаголы слухового восприятия немногочисленны и оттого, наиболее частотны. Это базовый глагол *ис-* «1) слушать, слышать *кого-что-л.*; 2) слушаться *кого-л.*» [10, с. 137]. Его аспектуальные значения выражаются сложными глаголами (например, *ис сал-* «услышать», *истип ал-* «послушать», *ис хал-* «успеть услышать» и др.). Целенаправленное перцептивное действие субъекта во внешние источники выражает глагол *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать». А глагол *ух-* в ЛСВ «слышать, слушать» является принадлежностью шорского диалекта.

Глагольное отражение слухового восприятия в тексте героического сказания «Албынчы»

В тексте героического сказания «Албынчы» создание концепта слухового восприятия обеспечивается только тремя глаголами: *ис-* «1) слушать, слышать *кого-что-л.*; 2) слушаться *кого-л.*» [10, с. 137]; *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать»; *истип-* «слышаться; слышно». Последний глагол образован путём присоединения к глаголу *ис-* аффикса страдательного залога *-ил*. Формант *-м-* в его основе, возможно, сохранился от основы древнетюркского: «*ešid-* слышать: *bu sabimîn eđgüti ešid* слушай хорошо эти мои слова (КТМ2)» [11, с. 185]; «*ešit-* II слышать: *qulaq ešitsä köñül bilir* если услышит ухо, сердце узнает (МК I 211); *ešitgil biliglig negü dep ajur* послушай, что говорят знающие (Юг С 129); *gur isirsar ögrünçü sav ešitür* если [мышь] прокусит пояс, [человек] услышит радостную весть (USp 42-26)» [11, с. 185]. Аналогичные структурно-фонетические и семантические показатели наблюдаются и в якутском языке: *истээччи* слушатель; *истис-* совм.-взаимн. от *иһит-* слышать друг друга; слышать друг от друга [12, с. 155]. *Иһит-* 1) слушать *что-л.*, услышать *что-л.*, *о чём-л.*; *истэрин истибитим* слышать-то я слышал; *тугу иһиттигин?* что (нового) вы слышали?; 2) слушаться *кого-л.*, повиноваться *кому-л.*; *балта убайын истэр* младшая сестра слушается старшего брата; 3) *перен. разг.* понимать (*какой-л. язык*); *нууччалыгы истэбин дуо?* понимаешь ли ты по-русски?; 4) *перен. разг.* поддаваться действию лекарства (*о болезни*); *ыарыым истибэтэ* моя болезнь не прошла (*хотя я и лечился*) [12, с. 156]. Формально похожие эквиваленты рассматриваемого глагола действуют и в других тюркских языках, например, башк.: *ишетеу* «слышать»; туркм.: *эшит-* «слышать» и др.

Однако в сибирских тюркских языках лексическая представленность базового глагола слухового восприятия неоднозначная. В тувинском языке основным глаголом со значением слуха является *дыңнаар-* «слышать»: слушать несов. 1. *кого-что дыңнаар, дыңнаалаар*; ~ть радио радио *дыңнаар*; 2. *что*, юр. *көөр, дыңнаар*; ~ть дело в суде *херекти судка көөр*; 3. *что* (проходить курс) *дыңнаар, өөренир, эртер*; ~ть лекция лекция *дыңнаар*; 4. *кого-что* (следовать чьим-л. указаниям, советам) *дыңнаар, эдерер, аайындан эртпес*; <...> [13, с. 541]. Аналогич-

ная ситуация в тофаларском языке: слышать *дыннаар* (*тыннаар*) [14, с. 264]. Хакасский аналог данного глагола *тыңна-* имеет более узкое значение «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать». Тувинский, тофаларский и другие тюркские языки в качестве базового глагола слухового восприятия используют древний корень монгольских языков **dulg/dulh* «слышать». Вероятно, фонетическая вариация в виде *dung/dyng* уводит в сторону выражения семантики «слышать шум, опознавать громкий шум». Дальнейшее фонетическое развитие приводит к возникновению лексем современных тюркских и монгольских языков (ср. монг.: *dungeneh* «шуметь, глухо греметь»).

В алтайском языке хакасскому глаголу *ис-* «слышать; слушать» соответствует *угар-* «слышать», подтверждением чему является словарная статья из Русско-алтайского словаря: **слушать** *несов.* 1. *кого-что* и *без доп.* угар (ук-); **слушать радио** радио угар; **слушать музыку** күү угуп турар; 2. *что* угар; **слушать дело в суде** керекти жаргыда угар; 3. *что* (*изучать что-л., посещая курс лекций*) угар; **слушать курс высшей математики** бийик математиканын курсы угар; 4. *кого-что* (*следовать чым-л. сове-там*) угар; **слушать воспитателя** таскадаачыны угуп турар; ♦ **слушай** уксанда [15, с. 570]. Хакасская лексическая параллель данного глагола – *угарга/ух-* многозначна и принадлежит исключительно шорскому диалекту хакасского языка: «... 1) *шор.* понимать *что-л.*; догадываться о *чем-л.*; см. **оңарарга**; *чоогың ух полбадым* а) [я] не понял, о чем ты говоришь; б) [я] не могу догадаться о чем идет речь; 2) слушать; слышать; *nir nime uxpadym* [я] ничего не слышал; *ухсаң* [ты] слушай, пожалуйста; 3) слушаться; *sös uxнас непослушный*» [10, с. 712]. Аналогичная лексико-семантическая ситуация в шорском языке: *уқ-* «1) слушать, слышать; 2) слушаться: *Парчын темде ааң сөзін уқча* – Он всегда слушается его» [16, с. 58].

1) Глагол *истіл-* «слышаться; слышно»

Глагол *истіл-* «слышаться; слышно» выражает пассивное восприятие субъектом каких-либо звуковых сигналов, исходящих откуда-либо извне. Данный глагол в тексте героического сказания обозначает перцептивный процесс, источником которого являются различные объекты и явления. Среди них можно назвать:

а) топот копыт богатырского коня: (А.) *Адазының ну чиринде / Хара хула аттың сағбазы / Ыс кўнге сыхханча истіл турадыр* [7, с. 12] ‘На этой земле отца / Топот копыт вороного коня (букв. сигнал) / Слышен третий день’¹. (Б.) *Аран-чула хара хула аттың / Тігірмі тігірпін истілчедедір* [7, с. 13] ‘Слышен цокающий топот / вороного богатырского коня’. В первом предложении (А.) в значении «топот» используется многозначная лексема *сағба*, в Хакасско-русском словаре (ХРС) представленная как: 1) извещение, оповещение, уведомление; *сағба пирерге* извещать, оповещать о чём-л.; *конференция полардаңар сағба тарадарга* рассылать извещение о созыве конференции; 2) весть, известие; *чол парганнардаңар сағба килген* пришла весть о путешественниках; 3) сигнал; предупреждение об опасности; *хоргыс сағбазы* сигнал об опасности; *мылтых атып сағба пирерге* дать сигнал выстрелом из ружья; *сағба чох чіт парарга* пропасть без вести [10, с. 425]. Однако данное словарное толкование лексемы *сағба* не отражает скрытую перцепцию в её семантике. Как показывает достаточное количество примеров, лексема *сағба* имплицитно подразумевает признак «шум/звук, воспринимаемый субъектом», например, *Ол сағбаа Алып Хан Хыс Ах брге ибдең сығып килген* [7, с. 56] ‘[Услышав] эти звуки, Алып Хан Хыс вышла из ханской юрты’. Таким образом, словосочетание *аттың сағбазы* (букв. сигналы/звуки коня) в предложении (А.) следует понимать как «топот копыт». В предложении (Б.) данное же значение (топот копыт) выражена буквально;

б) голос птицы (или волшебный голос птицы – кукушки): *Кёёк хустың табызы / Чадылчатхан хыс паланың / Ікі хулаана истілчедедір* [7, с. 23] ‘Голос кукушки / Слышится [букв. в два уха] / Лежащей девочки’. *Иди орлан, сыхтапчатханда, / [...], / Ала хас хустың табызы истілді* [7, с. 30] ‘Когда [он] так плакал навзрыд, / Послышался голос пёстрой птицы – гуся’. Надо отметить, лексема *табыс* в концептосфере птицы может иметь двойное значение: «голос» и «пение». В приведённых примерах сочетания *кёёк хустың табызы* и *ала хас хустың табызы* воспринимаются однозначно как «пение кукушки/гуся», поскольку понятие «голос»,

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык – авторские.

связанное с речью, в отношении человека обычно обозначается лексемой *ун* «голос». Однако из более широкого контекста выявляется, что указанные птицы говорят человеческим языком: *Көк хустың иди тапсап, / Чоохтап турган чоогын / Хыс пала прай истіңчедедір* [7, с. 23] 'Девушка внимательно послушала / Таким образом / рассказанную кукушкой весть'. *Хулатай, пазын көдіріп, көрзе, / Ала хас хус, учух киліп, / Ыстунче тапсап парча: / – Алып кізі тіп пу чирге / Мин килген полгам, / Алтын чечпе төзінде / Алыг адай узупчаттыр нога* [7, с. 30] 'Когда Хулатай, подняв голову, посмотрел, / Пёстрая птица гусь, пролетая, / Над ним говорит: / Я прилетела на эту землю к богатырю, / Но под золотой коновязью, / Дурная собака спит, оказывается'. Как известно, в мифологической системе не только хакасов, но и других народов, присутствует образ говорящей человеческим голосом птицы, обладающей магическими способностями и тайными знаниями о мире. Данный факт свидетельствует о магической связи души человека и птицы. В. А. Бурнаков, описывая мифо-ритуальный комплекс, связанный с образами ворона и вороны, отмечает следующее: «Полагали, что эти птицы обладают способностью определять причины и следствия многих природных и мистических явлений. При этом наибольшее развитие в мировоззрении и культовой практике получил образ ворона. В хакасской традиции он воспринимался в качестве вещи птицы, посвящённой в тайны природы, бытия и человеческой судьбы. Выступал в качестве медиатора между различными сферами Вселенной, между жизнью и смертью» [17, с. 360];

в) песня богатыря. *Хайзы-хайзы ыраххы чирде амды / Көгдең артых көг истілген* [7, с. 110] 'Сейчас где-то далеко (букв. на далёкой земле) / Была слышна очень красивая музыка'. *Хайзы-хайзы көрінмес чирде / Ирнің күлүгі Хулатайның / Көдө истіліп, килчедедір* [7, с. 13] 'Песня молодца Хулатая / слышится откуда-то издалека (букв. где-то на невидимой земле)'. В этих двух предложениях акцентируется нахождение героев в далёкой дали, недостижимой зрительному восприятию наблюдателю. Недостижимая даль обозначается эпитетами: *хайзы-хайзы ыраххы чирде* «далеко-далеко (на далёкой земле)» и *хайзы-хайзы көрінмес чирде* «далеко-далеко (на невидимой земле)». Как видим, рассмотренные процессы слухового восприятия, обозначаемые глаголом *истіл-* «слышаться; слышно», характеризуются не самым ярким, наоборот, оглушённым, тусклым качеством слышимости, поскольку условия звучания отражаются в их сочетаемости с указанными обстоятельствами места и т. д. Широкий контекст, помимо песни богатыря, далее раскрывает слуховое восприятие топота богатырского коня: *Хайзы-хайзы ыраххы чирде / Аран-чула хара хула аттың / Тігірті тігіреп истілчедедір* [7, с. 13] 'Далеко-далеко (букв. где-то на далёкой земле) / Слышен цокающий топот / Богатырского вороного коня'. *Ыс азахтыг хара ши, ойлап, / Сабылып, тігіреп килчедір пу чирге* [7, с. 110] 'Трёхногая вороная кобылица, / Цокая копытами, бежит, устремляясь скачет на эту землю (т. е. в сторону наблюдателя)'. Как известно, сюжетобразующие мотивы родственных связей коня и богатыря присутствуют в героических сказаниях многих народов. Образы коня и героя, в имени которого часто указывается масть его коня, взаимодополняют друг друга и в хакасском фольклоре. Считаем, что основные функции коня, выявленные А. Н. Дмитриенко в эпосах алтайцев и бурят, характерны и для хакасских героических сказаний: «1) средство передвижения; 2) провидец; 3) советчик; 4) боец; 5) участник исцеления/воскрешения героя; 6) воспитатель младенца – героя; 7) вестник» [18, с. 84]. Если в рассмотренных контекстах описывается слуховое восприятие песен богатыря из невидимой дали, то в следующем предложении актуализируется эпизод со слуховым восприятием песни мальчика-слуги, находящегося совсем рядом: *Хочын Арыг хыс Тас оолахтың ырын ис салды* [7, с. 116] 'Девушка Хочын Арыг услышала песню Мальчика-слуги'. Услышав песню мальчика, Хочын Арыг Хыс подзывает его к себе: – *Тас оолаам, пеер кил! – тіп, хыйгылап тур. / Тас оол айлан килген. / – Ниме тіп ырлап, ниме тіп көглен парчазың? / Тас оол: «Я, чача кізі, – тидір, / – Алып ах пүүрнің амалын мин піледірбін* [7, с. 116] '[Мой] Мальчик-слуга, иди ко мне, – подозвала. / Мальчик-слуга повернулся. / О чём же ты поёшь [свою песню]? / Мальчик-слуга говорит: – Да, тётя, / Я знаю мысли величественной белой волчицы';

г) человеческий голос. *Ыраххы чирде Чарых Көкөк туңмазының / Табызы истіле түскен: / – Абаа кізі Хулатай, / Чирің сини ползын* [7, с. 29] 'Где-то далеко послышался голос / [Его] сестрёнки Чарых Коок: Брат [мой] Хулатай, / Пусть земля будет твоей'. Описанному в данном предложении эпизоду в тексте предшествует поиск Хулатаем своей сестрёнки: *Хулатай, турып,*

ах ѳрге ибдең сығып килді, / Чарых Кѳѳк хыс туңмазын кѳр таппин тур, / Пир дее чирде чоғыл. / Чогар кѳрп, харабысса, / ат пазынча арыг кѳѳк хус кѳдиріл пари [7, с. 29] ‘Хулатай встал и вышел из ханской юрты, / Не может найти (взглядом) [свою] сестрѳнку Чарых Коок, / Нигде еѳ нет. / Когда же, подняв, голову, посмотрел вверх, / [Увидел, как] величиной с лошадиною голову кукушка поднимается в небо’. Если в рассмотренных ранее предложениях глагол *истіл* «слышаться; слышно» выражает слуховое восприятие действия, происходящего в далѳком, недоступном для видимости месте, то в данном случае герой (Хулатай) слышит голос кукушки, исчезающей в небесной синеве. Данные аспекты действия конкретизируются выражениями: *чогар кѳрп, харабысса...* – когда же, подняв, голову, посмотрел вверх... и *кѳдиріл пари* – поднимается (в небо) ... Также на очевидное действие, происходящее на глазах у героя (говорящего, наблюдателя) указывает аффикс настоящего времени *-ир* у сложного глагола *кѳдиріл пари*. В разговорной и диалектной речи формант *-р* в основе глагола выпадает.

Целостный образ перцептивного восприятия окружающего мира часто передаѳтся с указанием органов чувств: *Хан Миргеннѳн икѳ хараана / Ниме кѳрпмин одырадыр, / Икѳ хулахха ниме истилбин одырадыр* [7, с. 45] ‘Хан Миргену (букв. двум его глазам) / Ничего не видно, / Ничего не слышно (букв. двум его ушам)’. *Кѳѳк хустың табызы / Чадыпчатхан хыс паланың / Икѳ хулаана истилчедедир* [7, с. 23] ‘Голос птицы кукушки / Слышен в два уха / Лежащей девочки’. В приведенных контекстах конкретизация органов слухового или зрительного восприятия – двух глаз и двух ушей – способствует акцентированию перцептивного процесса, что характерно только для фольклорных текстов. В других же случаях наименование органов восприятия упоминается обычно в описаниях способности/неспособности (возможности/невозможности) восприятия: *харах кѳрбинче* «ничего не видно; слепой», *харайтаң уйан* «[у него] зрение плохое», *харах чѳтиг* «острое зрение», *хулах туных* «[он] не слышит; глухой», *хулах хатыг* «[он] плохо слышит», *хулах чарых* «[он] хорошо слышит» и т. д.

Как известно, героические сказания имеют свою специфику сложения поэтической речи. Среди особенностей системы их сложения можно отметить следующее: для демонстрации гармоничности и благозвучия поэтического текста к глаголам часто присоединяются форманты настоящего времени со значением многократного или постоянного действия. Эти форманты, в основном, являются принадлежностью качинского диалекта хакасского языка:

а) *-дыр/-дир*. Эта форма «образуется путѳм присоединения к деепричастию на *-а/-е* аффикса *-дыр/-дир* (<тур- «стоять») [19, с. 204]. *Хан Мирген: «Ноо ниме полды?» – тудир* [7, с. 55] ‘Хан Мирген говорит: «Что случилось?»’;

б) *-чадыр/-чедир*. Считается, что данный аффикс является исходным от глагола *чат-* «лежать», который «утратив свое лексическое значение, слился в одно слово с основой глагола и подчинился закону гармонии гласных. Глагол *чадыр* обозначает действие, совершающееся в момент речи о нем» [3, с. 68]. *Ах хайаның истинде пазох пир изѳк турчадыр* [7, с. 73] ‘Внутри белой скалы **стоит** ещѳ одна дверь’. Соответственно, использование сказителем – хайджи указанных глагольных формантов свидетельствует о том, что данные героические сказания создавались и передавались из поколения в поколение в среде единойязычных качинских этносов.

2) Глагол *ис-* «слышать; слушать»

Глагол *ис-* «слышать; слушать» выражает активное восприятие объекта, выраженного именем или придаточным предложением в форме вин. п.: *Ўзут Арыгның паарынаң сыххан палазының / Иди чоохтаан чоогын истпн, / Хара чўрегі хайнап турадыр* [7, с. 60] ‘[Его] чѳрное сердце волновалось (букв. кипело), / **Слушая рассказ** / Сына, рождѳнного (букв. вышедшего из печени) от Узут Арыг’. *Хулатай, Ўзут Арыг хатының хыйгызын истпн, / Тарых чѳре парган* [7, с. 61] ‘Хулатай стал нервничать, / **услышав клич** [своей] жены Узут Арыг’. *Алыттар аны ла икенде, / Ах ѳрге ибдең сыххлап чѳрѳбѳстѳлер* [7, с. 83] ‘Богатыри, как только это услышали, / Вышли из ханской юрты’. Как видим, в приведенных примерах, глагол *ис-* «слышать; слушать», как правило, употребляется в форме деепричастия и возглавляет придаточную часть предложения. Данную особенность реализации глагола *ис-* «слышать; слушать» мы можем объяснить тем, что услышанная информация может послужить основанием для каких-либо дальнейших действий. Подобная тенденция хода событий не случайна, поскольку «процесс восприятия мира и окружающей действительности является основным видом жизнедеятельности человека.

Другие виды его деятельности: мыслительная, эмоциональная, трудовая, поведенческая и др., являются вторичной формой взаимодействия с внешним миром; изначальной же формой является его восприятие явлений и фактов действительности, которые могут послужить для дальнейших его действий. Возникновению каких-либо эмоций, мыслей или трудовых и интеллектуальных процессов предшествует восприятие действительности, через которое поступает соответствующая информация в сознание человека» [20, с. 89-90]. В описаниях подобных ситуаций глагол *ис-* «слушать, слышать» является источником мотивации дальнейших действий субъекта: – *Алтын Ханның чиринзер, / Арга-мөрий полчатханын истин, / Тойга парчабыс, – тидир* [7, с. 77] ‘Говорит: – [Мы] едем на праздник, / На земли Алтын Хана, / **Услышав** о том, что там проходят состязания’. *Сүмекчин, аны истин алып, / Ах өрге ибдең сыгара ойлады* [7, с. 93] ‘Слу-га, **услышав** это, / Выбежала из ханской юрты’. *Алып Хан Хыс, аны ла икенде, тура салган* [7, с. 104] ‘Девушка Алып Хан, **как только это услышала**, соскочила’.

Глагол *ис-* «слушать, слышать» часто используется в вопросительной форме, тем самым говорящий хочет убедиться (удостовериться), что его действительно слушали. По мнению говорящего, его информация является важной для слушающих, и, спрашивая, он хочет убедиться, что его слова действительно дошли до адресата: *Ўс кўннең хара хула аттыг Хулатай / Мында читпезе, ўс азахтыг хара ни / Хыриңда тура тўзер, Хан Миргенім, / Истин турзың ма мині?!* [7, с. 42] ‘Если через три дня Хулатай с воронным конём, / Не доберётся сюда, то трёхногая воронная кобыла / Встанет рядом, [Мой] Хан Мирген, [Ты] слышишь меня?!’. *Алып ах нўўрге алтанып, / Алтын меспекнең ниткезінең игебіссен, / <...> Анча маңат ойлир. / Истиң ме, Албынчы?* [7, с. 74] ‘Сев верхом на белого волка – богатыря, заденешь золотой булавой его затылка, <...> Тогда он будет бежать быстро. / [Ты] слышал меня, Албынчы?’. Используя вопрос-уточнение, говорящий руководствуется желанием более эффективного воздействия на собеседника.

Использование императива *көр!* «смотри!» в конструкции обозначает строгий и настойчивый наказ с оттенком категоричности. Говорящий рассчитывает на беспрекословное выполнение своего наказа со стороны адресата *Ўзүт Арыг ічеңні тудып алзаң, / Минің чоогым ис, көр, чир дее өдірбессің* [7, с. 114] ‘Когда поймашь свою мать, Узут Арыг, / **Послушайся** меня, **смотри**, не убивай её’. «В таких императивных конструкциях глагол *көр-* “смотреть, видеть” теряет свое основное визуальное значение и служит для усиления внимания адресата. Дополнительным оттенком таких высказываний является также интонация, рассчитанная на то, чтобы заставить адресата обратить особое внимание на положение дел и помнить об этом» [21, с. 81].

При присоединении аффикса *-чең-*, имеющего значение многократного действия в прошедшем времени, глагол *ис-* (*исчең*) выражает восприятие субъектом каких-либо слухов, разговоров, кривотолков о ком/чём-либо. Зависимый объект выражается именем или придаточным предложением в форме вин. п. или же на *-наңар / -неңер*. *Хан кізі чоохтап одыр: / – Я, хулах хысха даа полза, / Хулатайны исчеңмін* [7, с. 96] ‘Хан говорит: / Да, хоть я и плохо слышу, (*букв.* [мои] уши коротки), / [Я] слышал про Хулатая’. Подобные примеры свидетельствуют о том, что разные способы репрезентации грамматических структур соответствуют определённым ситуациям слухового восприятия.

Конкретизация каких-либо слухов обеспечивается связкой *тін* (мол, *букв.* говоря), которая является распространённым средством связи между глаголами (говорения, мышления, эмоции, движения, письма, восприятия и т. д.) и придаточными предложениями, которые выражают различные значения: причину или цель действия, предназначённость предмета для кого/чего-либо, принятие *кого* или *чего-л.* за *кого* или *чего-л.* и т. д. *Че хара хула аттыг Хулатайга / Хачаннаң чон хынмаан тін исчеңмін* [7, с. 35] ‘Но я слышал (обычно), мол, / Хулатая с воронным конём / Издавна народ не любил’. *Улуг нимедең хорыхпаза, Улуг ниме поэзы хорыгадыр тін исчеңмін* [7, с. 40] ‘Я слышал обычно, мол, / если не бояться чудовища, / Чудовище само боится’. Если позиция объекта заполняется зависимым предложением со связкой *тін*, то глагол *ис-* имеет значение «знать о *ком-чем-л.* по слухам, т. е. слышать много раз». Многократность слухового восприятия может выражаться также сложным глаголом *истін тур-* «слышать»: *Ізебі чох Хулатайның / Иди тас польп парганын / Браххылар истін турадыр* [7, с. 15] ‘Весть о том, что могучий Хулатай / Превратился в камня / было слышно далеко-далеко’.

Переносные неперцептивные значения глагола *ис-* «слушать, слышать» выявляются в его сочетательных возможностях. Значение «слушаться *кого-л.*» обеспечивается сочетанием глагола *ис-* с существительным *сөс* «слово», *чоох* «1) рассказ; 2) разговор», например, *Таис минің чоогым исче* – Таис меня **слушается** [букв. слушает мой разговор]. *Алып Хан Хыс ничемнің / Чоогын даа искен ползам чи / [...]* / *Алып Хан Хыс ничемнің / Сөзін дее искен ползам чи* [7, с. 42] ‘Если бы только я **послушал советов** / [Своей] богатырши – сестры Алып Хан Хыс. Если бы только я **послушал слов** / [Своей] богатырши – сестры Алып Хан Хыс’. Чувства глубокого сожаления и раскаяния Хан Миргена, попавшего в беду из-за того, что в своё время не послушал наказов своей сестры Алып Хан Хыс, выражены аналитической формой *искен ползам чи* «если бы я послушал». Далее герой описывает своё состояние, к которому привело его ослушивание: *Хара айнага таптыр салдым, / Хайди ла хубулыпчатхайбын. / Хайда-хайда парыбысхан Хулатайны / Хайдаң табар полам* [7, с. 42] ‘[Я] оказался в руках чёрта (букв. меня нашёл чёрный чёрт) / В кого же [я] теперь превращусь, / Где же теперь Хулатай, / Как мне теперь его найти?’. В следующем предложении из эпизода встречи одной из героинь с волшебной птицей – провидицей глагол *ис-* «слушать; слушать» используется в форме настоящего времени: *Көдк хустың иди тапсап, / Чоохтап турган чоогын / Хыс пала прай истіпчедедір* [7, с. 23] ‘Девочка слышит **всё** (букв. [её] рассказ), / Что говорила кукушка’.

3) глагол *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать»

В героическом сказании «Албынчы» зафиксированы всего два примера с глаголом *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать», указывающим на активное целенаправленное действие субъекта во внешние источники. Семантика данного глагола маркирована следующими тремя основными признаками: активность, целенаправленность, отсубъектная направленность. *Хан Чачах хыс ойынга парарда, / Очы Сарыг хыстаң Хара Нинчи хыс / Ах өрге ибни тыңнап чөрген полтырлар* [7, с. 103] ‘В то время, когда Девушка Хан Чачах собиралась идти на состязания, / Девушка Очу Сарыг с Девушкой Хара Нинчи / **Подслушивали** что происходит в ханской юрте, оказывается?’. Сочетание глагола *тыңна-* с объектом, выраженным именем в вин. п., даёт значение целенаправленности действия субъекта. А в следующем предложении глагол *тыңна-* используется в форме условного наклонения и замыкает придаточное предложение: *Хан Миргеннің хаты Алтын Поос / Узуп полбин чатхан полтыр, / Иди чадып, тыңнапчатса, / Хараагы түнде алтын чечпе төзінде / Аран-чула аттар, огыраныза түзип, тохтадылар* [7, с. 55] ‘Жена Хан Миргена Алтын Поос / Лежала и не могла уснуть, оказывается, / Когда, лёжа, [она] **прислушалась**, / В ночной тиши возле золотой коновязи, / Тихо заржали и остановились богатырские кони’.

Глагол *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать» противопоставляется глаголу *ис-* «слушать, слышать» по семам нецеленаправленности/целенаправленности процесса и активности/пассивности субъекта. Однако в соответствующих контекстах семантика глагола *ис-* «слушать, слышать» нейтрализует эти семы: *Амды мині алыбызарлар ба за... / Сүмекчин, пардах, ис, пірезі аларга тир бе?* [7, с. 93] ‘Сейчас кто-то женится ли на мне... Слуга, иди-ка, подслушай, кто-то (из них), скажет ли жениться (на мне)?’. В данном предложении глагол *ис-* «слушать, слышать» актуализирует семы целенаправленности действия и активности субъекта.

Заключение

Фольклорно-языковая картина мира конкретного этноса складывается из духовных, текстовых, мировоззренческих, национальных факторов, формирующихся на протяжении многих веков. «Специализированным средством выражения традиционных фольклорных концептов явились устно-поэтические формулы – устойчивые языковые и речевые образования» [22, с. 64]. В нашем исследовании такими традиционными формулами концептуальных концептов являются глаголы, репрезентирующие слуховое восприятие, как фрагмент фольклорно-языковой картины мира хакасов. Содержательная специфика героического сказания «Албынчы» заключается в том, что в нём концептуальное поле «слуховое восприятие» представлено только тремя глаголами: *истіл-* «слушаться; слышно»; *ис-* «слушать; слушать»; *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать». Всего в тексте героического сказания мы насчитываем 36 случаев использования этих глаголов. Наиболее многочисленным оказался денотативный

класс пассивного слухового восприятия, обслуживаемого глаголом *истил-* «слышаться; слышно». В позиции объекта при данном глаголе представлены: топот копыт богатырского коня; голос птицы (или волшебный голос птицы – кукушки); песня богатыря; человеческий голос. Также в анализируемом нами фактическом материале встретились примеры, привычные для фольклорных интерпретаций перцептивных событий с указанием органов восприятия. Описание воздействия слухового объекта на слуховые органы субъекта акцентирует данный процесс. В действительности же при описании названным глаголом различных ситуаций слухового восприятия речь идёт о воспринимающем субъекте (наблюдателе, говорящем), который в тексте не находит языкового выражения, т. е. носит имплицитный характер.

В остальных же случаях, в примерах с глаголами *ис-* «слышать; слушать» и *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать», перцептивное событие имеет двух участников: воспринимающего субъекта и воспринимаемого объекта. Базовый глагол со значением слухового восприятия *ис-* «слышать; слушать» часто употребляется в форме деепричастия и возглавляет придаточную часть предложения. Данную особенность реализации глагола *ис-* «слышать; слушать» мы можем объяснить тем, что услышанная информация может послужить основанием для каких-либо дальнейших физических, эмоциональных, поведенческих действий. Также нами зафиксированы предложения, где глагол *ис-* «слышать; слушать» используется в роли императива и в вопросительной форме для подчёркивания важности передаваемой информации. Следует подчеркнуть, что глаголы со значением слухового восприятия, как правило, однозначны. Но глаголу *ис-* «слышать; слушать» переносное значение «слушаться» обеспечивает его сочетание с существительными *сӱс* «слово» и *чоох* «рассказ; разговор». Данный факт также отражён на материале героического сказания «Албынчы».

Активное слуховое восприятие, выраженное глаголом *тыңна-* «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать», в анализируемом тексте отображается только двумя примерами. Предполагаем, что фокусировка слухового восприятия, судя по языковым данным, не актуально для персонажей героического сказания «Албынчы».

Таким образом, языковое отражение концепта «слуховое восприятие», как фрагмента фольклорно-языковой картины мира на примере героического сказания «Албынчы», представлено скромно, лишь тремя глагольными единицами. Однако их синтагматические возможности ориентированы на выявление всех возможных процессов слухового восприятия. Тем самым значимость слухового восприятия в создании фольклорно-языковой картины мира обусловлена тем, что все слуховые объекты – звуки окружающей действительности и человеческой деятельности – представляют собой когнитивный и информационно-смысловой блок, фиксируемый субъектом (наблюдателем, говорящим).

Литература

1. Черноусова П. И. Фольклорно-языковая картина мира, представленная в диалоговой модели (на материале русской волшебной сказки) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013, № 14 (305). – С. 114-120.
2. Елизарова Г. С. Фольклорная картина мира как часть национальной картины мира // Филология, языкознание, дидактика : теория и методика исследований : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Изд-во РГПШУ, 2010. – С. 51-58.
3. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2007. – 164 с.
4. Войтенко Е. П. Образные языковые средства в хакасском и русском эпосе (на материале хакасского героического эпоса «Ай Хуучин» и русских былинных текстов Сибири и Дальнего Востока) : автореф. дисс. ... к. филол. н. – Новосибирск, 2010. – 23 с.
5. Субракова О. В. Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса // Учёные записки. Вып. 20. Серия филологическая № 3. – Абакан, 1976. – С. 147-160.
6. Кадышев С. П. Албынчи : хакасское героическое сказание / Сост. В. И. Доможаков, Д. И. Чанков ; лит. пер. И. С. Кычакова. – Абакан : Хакасское областное гос. изд-во, 1951. – 110 с. (На хакасском и русс. яз.).
7. Албынчы. Алыптыг нымах. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2018. – 126 с. (На хакасском яз.).

8. Майногашева В. Е. О народности основы героического сказания «Албынжи» // Ученые записки. Вып. 4. – Абакан, 1956. – С. 78-89.
9. Каксин В. Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Авторитетность и коммуникация. Аспекты языка и коммуникации. Вып. 4. – Воронеж : ВГУ, 2008. – С. 7-23.
10. Хакасско-русский словарь – Хакас-орыс сөстiгi : около 22 тыс. слов / Под общей ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
11. Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев и др. – Ленинград : Наука. Ленинградское отд-е, 1969. – 676 с.
12. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – 568 с.
13. Русско-тувинский словарь / Под ред. Д. А. Монгуша. – Абакан : Кооператив «Журналист», 2015. – 664 с.
14. Рассадин В. И. Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь : учебное пособие для учащихся средних школ. – Санкт-Петербург : Дрофа. Санкт-Петербург, 2005. – 295 с.
15. Русско-алтайский словарь. В 2 т. Т. 2 (П-Я) / Науч. ред. А. В. Дыбо. – Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2016. – 896 с.
16. Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во. 1993. – 153 с.
17. Бурнаков В. А. Образ врановых птиц в мировоззрении хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010, № 4 (30). – С. 346-362.
18. Дмитриенко А. Н. Богатырь и его конь в алтайском и бурятском эпосе : стереотипы поведения и ценности народов // Сибирский филологический журнал. – 2014, № 4. – С. 83-89.
19. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. – 420 с.
20. Каксин А. Д. Компоненты семантики глаголов восприятия (на материале хантыйского языка) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019, № 9-1. – С. 89-94.
21. Чертыкова М. Д. Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках. – Абакан : Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. – 160 с.
22. Артёменко Е. Б. Фольклорная формула в аспекте ее функционирования и генезиса // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Воронеж, 1-2 ноября 2003 г.). Ч. 2. – Воронеж : ВГПУ, 2003. – С. 63-73.

References

1. Chernousova P. I. *Fol'klorno-yazykovaya kartina mira, predstavlenneya v dialogovoi modeli (na materiale russkoi volshebnoi skazki)* [Folklore-linguistic picture of the world presented in a dialogue model (based on the material of a Russian fairy tale)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2013, No. 14 (305), pp. 114-120. (In Russ.).
2. Elizarova G. S. *Fol'klornaya kartina mira kak chast' nacional'noi kartiny mira* [Folklore picture of the world as part of a national picture of the world]. In: *Filologiya, yazykoznanie, didaktika: teoriya i metodika issledovaniy: sb. nauch. tr.* [Philology, linguistics, didactics: theory and research methodology: collection of scientific papers]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo RGPPU, 2010, pp. 51-58. (In Russ.).
3. Subrakova O. V. *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakas heroic epic]. Abakan, Hakasskoe kn. izd-vo, 2007, 164 p. (In Russ.).
4. Voytenko E. P. *Obraznye yazykovye sredstva v khakasskom i russkom epose (na materiale khakasskogo geroicheskogo eposa "Ai Huuchin" i russkikh bylinnykh tekstov Sibiri i Dal'nego Vostoka)* [Figurative language means in the Khakas and Russian epics (based on the material of the Khakas heroic epic "Ay Huuchin" and Russian epic texts of Siberia and the Far East)]. Avtoref. diss. ... kand. filol. n. Novosibirsk, 2010, 23 p. (In Russ.).
5. Subrakova O. V. *Mongol'skie zaimstvovaniya v yazyke khakasskogo geroicheskogo eposa* [Mongolian borrowings in the language of the Khakas heroic epic]. In: *Uchenye zapiski. Vyp. 20. Seriya filologicheskaya № 3* [Scientific notes. Iss. 20. Philological series No. 3]. Abakan, 1976, pp. 147-160. (In Russ.).

6. Kadyshhev S. P. *Albynzhi: khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynji: Khakas heroic legend]. Sost. V. I. Domozhakov, D. I. Chankov; lit. per. I. S. Kychakova. Abakan, Hakasskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1951, 110 p. (In Khakas and Russ.).
7. *Albynchy. Alyptykh nymakh* [Albynji. Khakas heroic legend]. Abakan, Hakasskoe kn. izd-vo, 2018, 126 p. (In Khakas).
8. Maynogasheva V. E. *O narodnosti osnovy geroicheskogo skazaniya "Albynzhi"* [On the nationality of the foundations of the heroic legend "Albynji"]. In: *Uchenye zapiski. Vyp. 4* [Scientific notes. Iss. 4]. Abakan, Hakasskoe kn. izd-vo, 1956, pp. 78-89. (In Russ.).
9. Kashkin V. B. *Avtoritetnost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Authority as a communicative category]. In: *Avtoritetnost' i kommunikaciya. Aspekty yazyka i kommunikacii. Vyp. 4* [Authority and communication. Aspects of Language and Communication. Iss. 4]. Voronezh, VGU, 2008, pp. 7-23. (In Russ.).
10. *Khakassko-russkii slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Hakas-orys söstigi: okolo 22 tys. slov. Pod obsh. red. O. V. Subrakovoi. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.
11. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Red. V. M. Nadelyaev i dr. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otd-e, 1969, 676 p.
12. *Yakutsko-russkii slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Pod red. P. A. Slepцова. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1972, 568 p.
13. *Russko-tuvinskii slovar': 32000 slov* [Russian-Tuvan dictionary. 32 000 words]. Pod red. D. A. Mongusha. Abakan, Kooperativ "Zhurnalist", 2015, 664 p.
14. Rassadin V. I. *Tofalarsko-russkii, russko-tofalarskii slovar': uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya srednikh shkol* [Tofalar-Russian, Russian-Tofalar dictionary: a textbook for high school students]. Saint Petersburg, Drofa. Sankt-Peterburg, 2005, 295 p.
15. *Russko-altaiskii slovar'. V 2 t. T. 2 (P-Ya)* [Russian-Altai dictionary. In 2 vol. Vol. 2 (P-Ya)]. Nauch. red. A. V. Dybo. Gorno-Altai, NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2016, 896 p.
16. Kurpeshko-Tannagasheva N. N., Apon'kin F. Ya. *Shorsko-russkii i russko-shorskii slovar'* [Shor-Russian and Russian-Shor dictionary]. Kemerovo, Kemerovskoe kn. izd-vo, 1993, 153 p.
17. Burnakov V. A. *Obraz vranovykh ptic v mirovozzrenii khakasov* [The image of corvidae birds in the Khakas worldview]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture]. 2010, No. 4 (30), pp. 346-362. (In Russ.).
18. Dmitrienko A. N. *Bogatyr' i ego kon' v altaiskom i buryatskom epose: stereotypy povedeniya i cennosti narodov* [The hero and his horse in the Altai and Buryat epics: stereotypes of behavior and values of peoples]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2014, No. 4, pp. 83-89. (In Russ.).
19. *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of the Khakas language]. Pod red. N. A. Baskakova. Moscow, Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoi literatury, 1975, 420 p. (In Russ.).
20. Kaksin A. D. *Komponenty semantiki glagolov vospriyatiya (na materiale khantyiskogo yazyka)* [Components of the semantics of verbs of perception (based on the material of the Khanty language)]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2019, No. 9-1, pp. 89-94. (In Russ.).
21. Chertykova M. D. *Semantiko-kognitivnaya kharakteristika khakasskikh glagolov so znacheniem vospriyatiya i ikh leksicheskikh sootvetstviy v drugikh tyurkskikh yazykakh* [Semantic and cognitive characteristics of Khakas verbs with the meaning of perception and their lexical correspondences in other Turkic languages]. Abakan, Izdatel'stvo HGU im. N. F. Katanova, 2019, 160 p. (In Russ.).
22. Artyomenko E. B. *Fol'klornaya formula v aspekte eye funkcionirovaniya i genezisa* [Folklore formula in the aspect of its functioning and genesis]. In: *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletii: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Voronezh, 1-2 noyabrya 2003 g.). Ch. 2* [Problems of studying living Russian words at the turn of the millennium: materials of the II All-Russian scientific and practical conference (Voronezh, November 1-2, 2003). Part 2]. Voronezh, VGPU, 2003, pp. 63-73. (In Russ.).